

ков деревни Смолско, Пирдопско¹². Характерное для чумшелийских говоров название колодца *убил* (карта 89) имеет соответствие в центрально-родопском *абдел* «источник» (**obelъ*)¹³.

Перечисленные мелкие недочеты, которых нельзя избежать в изданиях такого рода, не уменьшают значения «Атласа». Он дает точное представление не только о современном состоянии болгарских говоров СССР, но также и об их состоянии в конце XVIII и начале XIX в., обогащает болгарскую диалектологию целым рядом новых фактов. По-новому освещая вопросы классификации восточноболгарских диалектов, «Атлас», несомненно, вызовет полезную дискуссию. Он, безусловно, является одним из самых выдающихся трудов последних лет, посвященных болгарскому языку, и очень важен как методический образец для подготавливающегося атласа ископных диалектов Болгарии. Весь коллектив и прежде всего редактор С. Б. Бернштейн заслуживают искренней благодарности за серьезное издание, являющееся первым полным атласом одного из южнославянских языков.

Фр. Славский

Перевела с польского
З. Н. Стрекалова

J. Kjellberg. La langue de Gedeon Krinovskij, prédicateur russe du XVIII siècle. I. — Uppsala—Wiesbaden, 1957. 196 стр. (Uppsala Universitets Årsskrift, 7, 1957.)

Исследование Л. Чельберга посвящено языку одного из виднейших проповедников середины XVIII в. Гедеона Криновского (1726—1763 гг.)¹. Для языка Гедеона Криновского, как отмечали его современники и позднейшие исследователи, характерны элементы разговорной речи, что очень важно для понимания особенностей «духовного красноречия» той эпохи; в связи с этим язык Гедеона Криновского представляет особый интерес для изучения. Сближение языка проповеди с разговорной речью было сознательным стремлением Гедеона. В предисловии «К читателю» в «Собрании

¹² См. И. Кънчев. Таен зидарски говор от с. Смолско, Пирдопско, там же, стр. 389.

¹³ См. С. Т. Кабанов, указ. соч., стр. 71.

¹ Гедеон, епископ Псковский и Нарвский, человек словесный, ученый, просвещенный и искусный в красноречии и других науках. Сей, будучи придворным проповедником, сочинил много поучительных слов, которые собраны и напечатаны в 4 частях в Санктпетербурге в разных годах. Его сочинения весьма много похваляются, и некоторые проповеди равняются с Феофановыми. и он по справедливости почтается красноречивейшим и в числе Российских проповедников. Он скончался в 1763 г., имея не более 40 лет от рождения» («Словарь исторический...», ч. IV, М., 1790, стр. 95).

поучительных слов» (т. 1, СПб., 1755, стр. IX) он писал: «... ни о чем больше он (автор.—С.К.) не старался, только чтоб как можно внятнее представить народу, о чем когда намерен был говорить к нему. А понеже между народом большая бывает часть исученых и простых, которым высокостильных бесед разуместь трудно и невозможно, то уж он ради произведения в действо своего намерения за такие меры и непременно принять был должен, которые и самым не книжным простолюдным могли сделать слова его легко уразумительными».

Книга составляет первую часть исследования. В нее входит: введение, характеристика первых двух приближенных изданий со стороны графики, орфографии, фонетических и морфологических особенностей, отраженных в печати. Ударение, словарь и синтаксис, а также библиография составят предмет следующей части.

Начало исследования посвящено характеристике личности Гедеона, и здесь Л. Чельберг использовал едва ли не все опубликованные материалы. Значительное место отводится описанию литературного наследия Гедеона. При жизни сочинения проповедника издавались дважды: первое издание печаталось Академией наук гражданским шрифтом, в четырех томах (СПб., 1755—1759 гг.), второе — церковнославянским шрифтом, в двух томах (М., 1760 г.)². Чельберг дает сравнительное описание обоих изданий, обращая внимание на различия в графике и орфографии. На этой счастливой возможности основана вся работа, на ней строятся наиболее ценные выводы исследования.

Графика первого издания не представляет большого интереса. Это «гражданка», несколько более модифицированная, чем в академических изданиях 30-х годов: второе издание, напечатанное церковнославянским шрифтом, в графике и орфографии обнаруживает заметные отступления от традиционной старославянской печати и в общем придерживается уже норм середины XVIII в. (см. библию 1751 г.). Как и в других изданиях этого времени, во втором издании проповедей Гедеона употребление гласных и надстрочных букв в ряде случаев определяется позицией букв в слове или необходимостью различать грамматические формы.

Что касается орфографии, то в первом издании больше, чем во втором, прослеживается отражение живой и даже диалектной речи, например больше колебаний в пра-

² Это единственный источник, по которому можно знакомиться с языком Гедеона, если не считать нескольких документов делового стиля, не представляющих интереса с точки зрения языка. Митрополит Платон, ученик Гедеона, упоминал о существовавшей у него ученой переписке своего патрона, достигавшей сотни единиц, по стилю «гораздо острее и выше» проповедей. Для изучения языка и стиля Гедеона эта переписка имела бы чрезвычайное значение.

вописании звонких и глухих согласных и в других случаях. Второе издание освобождается от некоторых архаических написаний. Несмотря на церковнославянскую графику, в этом издании вводятся орфограммы, которые впоследствии вошли в орфографическую систему.

В области фонетики исследователь останавливается на славянизмах, давая, например, полный список слов с неполногласными сочетаниями. Такие слова в языке Гедеоны чаще относятся к христианской символике. В анализе форм *хошу* и *хочу* по томам отмечается постепенное вытеснение славянизмов русскими образованиями.

Большая часть исследования отведена анализу морфологических особенностей, и этот раздел Чельбергом разработан наиболее тщательно. Здесь дается описание всех флексий обоих изданий. При сопоставлении отмечаются изменения, происходящие с той или иной флексией. Применяется статистический метод, вводящий точность в подобные характеристики. Средствами статистики, например, показывается устойчивость в дат. и предл. падежах ед. числа флексий *ѣ* и *и* в существительных *воля*, *душа*, *земля* в первом и втором изданиях. Отдельные особенности в распределении статистических данных автор сопровождает специальными толкованиями. Так, преобладание *и* в формах указанных выше слов объясняется их спецификой в семантике, в особенности в слове *земля*.

Сопоставление двух изданий проповедей Гедеоны показывает, как во втором издании, хотя оно и выполнено церковнославянской печатью, заметна тенденция устранять колебания путем подведения их под орфографические правила, которые закреплялись в русском литературном языке. Так, в именах типа *россиянин* и под. в первом издании в им. падеже мн. числа употребительна флексия *-ы*: *римляны* (IV, 175), *россияны* (I, 267) и под., во втором издании *-ы* заменяется на *-е*: *римляне* (I, 563 об.) и др. То же обнаруживается и в целом ряде других форм. В этих изменениях проявляется тенденция к сближению языка «духовного красноречия» со светским языком, к усвоению грамматических норм литературного языка.

Мы остановились на изложении некоторых фактов исследования Л. Чельберга, чтобы показать, как оно обогащает наши представления о литературном языке XVIII в. и свидетельствует о необходимости при изучении языка этой эпохи обращаться к памятникам «духовного красноречия». Работа Чельберга ценна своим материалом и наблюдениями над малопослужившим в истории литературного языка периодом. Исследование Чельберга подкупает строгостью метода и осторожностью в обобщениях там, где они недостаточно подтверждаются фактами. И если мы намереваемся высказать несколько критических замечаний, то они не преследуют цели умалить значение этой работы. Хотелось бы лишь указать на ряд проблем, с которыми необходимо считаться при изучении сложных процессов развития ли-

тературного языка, особенно процесса формирования национального литературного языка XVIII в. Автор не всегда их учитывает, что в известной степени сказывается на его работе.

Прежде всего надо указать на то, что изучение языка отдельного писателя XVIII в. по печатным текстам без учета неучтенности орфографии этого периода едва ли возможно. Колебания в орфографии были вызваны своеобразным сочетанием с одной стороны, традиционных написаний, идущих от церковнославянского и древнерусского языка, с другой — написаний, входящих к живой речи, но ставших традиционными еще в приказном стиле XVI—XVII вв. И те и другие написания впоследствии вышли из употребления.

Известно, что орфография этого времени покоилась на морфологическом принципе, причем морфема на письме часто сохраняла свое фонематическое строение. В свою очередь грамматические и фонетические особенности нередко определялись стилем³. Однако во второй половине XVIII в. эти нормы теряют свою обязательность: появляются книги, которые по содержанию и жанру выходили за рамки трех стилей, установленных Ломоносовым, и придерживались в них сосуществующих орфографических правил было бы затруднительно. Ведь если проповеди Гедеоны, как и проповедения высокого стиля, рассчитаны были не только на чтение глазами, но и на произнесение, то, например, научные книги могли быть рассчитаны только на чтение глазами, и поэтому в орфографии можно было пренебречь особенностями живой речи, так или иначе отраженными на письме.

Вот, например, перевод И. Шлаттера книги Поганна Готшалка Валерия «Минералогия, или описание всякого рода руд и ископаемых из земли вещей» (СПб., 1763. Книга издана Академией наук). Здесь правописание флексий прилагательных — им. падежа муж. рода ед. числа и род. падежа муж. и ср. родов ед. числа — не зависит от требований высокого и низкого стилей: в им. падеже муж. рода ед. числа употребляется всегда окончание *-ой/-ей* независимо от ударения: *аглицкой белой мел* (1 разд. 2), *бледной мел* (1 разд., 2), *пурпуровой мел* (1 разд., 2), *пыловатой, глинистой, золотой* (песок), *неровной жемчужной песок* (1 разд., 4), *пловучей или ключевой песок* (1 разд., 4), *фигурванной* (мрамор) (1 разд., 5), *кубической, шиферной, зернистой, прозрачной* (шпат) (1 разд., 5), *песошной камень, проступчивой* (камень) (1 разд., 6) и т. д. Такое окончание имеют и славянизмы: *блстающей* (мергель) (2 разд., 44), *такой леса изображающей каменной мергель* (2 разд., 47), *затвердевшей* (камень) (1 разд., 11), *испещренной мрамор* (2 разд., 79), *преизрядной мрамор* (2 разд., 81) и др.⁴ Здесь же род. падеж муж. и

³ См. об этом В. В. Виноградов, *Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.*, 2-е изд., М., 1938, стр. 106—111.

⁴ Как исключение: *милостивый государь мой, покорный и обязанный слуга* (посвяще-

ср. родов ед. числа последовательно имеет флексию *-аго/яго* независимо от лексической природы слова: *ордена святого Александра Невского* (в посвящении), *другаго* (2 разд., 72), *онаго* (2 разд., 76), *для лучшаго знания*, *высокаго и живаго цвета* (2 разд., 76) и др. Примечательно, что на характер флексии прилагательного не влияет даже флексия определяемого им существительного. В приводимых ниже примерах прилагательные с флексией *-аго* согласуются с существительными, имеющими флексию низкого стиля *-у*: *от трения худаго запаха* (2 разд., 77), *мелкаго зворосту* (2 разд., 80), *уринаго запаха* (2 разд., 83), *воючаго запаха* (2 разд., 20)⁵.

Подобные факты можно наблюдать в «Топографических известиях, служащих для полного географического описания Российской империи» в издании Академии наук (т. I, ч. 4, СПб., 1774): в им. падеже муж. рода ед. числа последовательно употребляется флексия *-ой/ей*: *торговой день* (332), *доброй урожай* (318), *провинциальной город Ярославль* (289), *Рождественской монастырь* (328). Топонимические названия форпостов, уездов и под.: *Изборского уезд* (344), *Зеленовской брод* (371), *Котелевской (форпост)* (381), *Каменной (ручей)* (374). Исключений нет. В род. падеже муж. и ср. родов ед. числа последовательно употребляется *-аго/яго*: *географического* (титульный лист), *Польскаго рубежа* (367), *епископа Ростовскаго* (291), *привознаго (хлеба)* (304), *Онуфрия преподобнаго* (345), *нерукотвореннаго образа* (368), *другаго мастертва* (367) и т. д. Флексия *-ова* встретилась: *до форпоста деревни Большою Савастеева* (382), *но тут же Малаго Савастеева* (382), *до форпоста Толстова*, *тут же форпост Толстой* (386), *протие форпоста Зеленова* (377), *деревня Зеленая* (377)⁶.

Как видно из приведенных примеров, в книгах, не рассчитанных на обязательное чтение устами, написания, отражавшие стилистические особенности языка, могли

встретиться, называемый (2 разд., 46); в оглавлении: *клас первый* (1 разд., 2), *клас третий* (1 разд., 12). Но тут же: *клас второй* (1 разд., 5), *клас четвертой* (1 разд., 20).

⁵ Два исключения в примечании, набранном петитом: *робатся из некоторого белаго соку* (2 разд., 605), *солянаго росолу* (2 разд., 34), но в тексте — *солянаго спирта* (2 разд., 452).

⁶ Окончание *-ова* встретилось в названиях форпостов в Великолукской провинции на границе с Польшей (стр. 369—386) (жод влиянием притяжательных прилагательных на *-ов* и названий деревень в им. падеже на *-ова*): *Высочикова форпост* (385), *до форпоста Высочикова* (385), *до форпоста Орлова* (382), *форпост Рожнов*, *до форпоста деревни Рожнова (деревня Рожнова)* (396); *деревня Арехнова* (374), *речка Арехнова* (374) и род. падеж *из озера Арехнова*, *но форпост Арехновской* (374), *деревня Крупошева* (375), *деревня Хвостова* (375), *деревня Григоркова* (380) и др.

стираться, и на месте их возникали последовательно проводимые правила, независимо от фонетического состава слова.

Таким образом, в XVIII в., переходном периоде для русской орфографии, печатный текст уже не может служить надежным средством изучения особенностей звуков и отчасти форм языка. Это в первую очередь касается орфограмм, в которых можно было бы ожидать отражения живой речи (типа *верху*, *в первом* и под., которые не обязательно свидетельствуют о мягкости *р*, а могут быть традиционными написаниями). Приводя написания *кленуь* (III, 56), *кленут* (II, 109), Чельберг сам замечает, что они традиционны. И такие случаи не являются исключением.

Второе наше замечание касается структуры самой работы. Нам кажется, язык писателя следовало бы изучать, начиная с синтаксиса и лексики. Именно здесь наиболее ярко выявляется своеобразие стиля Гедеоны и вообще жанра «духовного красноречия». Автор часто сопоставляет стиль Гедеоны с высоким стилем, находя между ними много общего, но, например, в синтаксисе язык проповедей очень удален от высокого стиля. Здесь мы часто находим прямое нарушение правил риторики. Вот как необычно начинается одна из проповедей Гедеоны «Слово о краткости и бедности жития человеческого и о неизвестной его кончине»: «Проходят лета, протекают месяцы, летят дни, часы и минуты, как бы невидимо, слышатели! Вот уже мы и в новый год вступили! Вот уже и его несколько дней прожили! Вот уже и сей самый день за половину опроводили: а все то ничто другое делает, как что мы нечувствительно приближаемся к смерти!» (III, 13). Здесь интонация разговорной речи, словарный состав очищен от славянизмов, отсутствуют архаические и церковнославянские формы.

Предварительное изучение лексики и синтаксиса имеет значение для морфологии, фонетики и даже орфографии. Автор эту зависимость осознает и в ряде случаев старается объяснить колебания в употреблении форм особенностями того или иного стиля, точнее, особенностями лексики, связанной с определенным стилем. К сожалению, такие объяснения часто не приводят автора к нужному результату. Так, на стр. 118—119, анализируя флексию *у* в предл. падеже имен существительных с основой на *-о*, автор должен признать, что замена этой флексии флексией *е* не имеет той стилистической дифференциации, о которой говорит Ломоносов в своей грамматике (§ 190). Но эти отступления от норм Ломоносова имеют свои основания, и их очень важно вскрыть. В сочетаниях *в дому божии* (IV, 261), *в дому божием* (IV, 263) *-у* может быть старым окончанием основы на *-у*, тем более что это устойчивое сочетание, идущее из церковнославянского языка. Что же касается других приводимых автором примеров: *во истом своем доме* (I, 131), *в его доме* (III, 52), *в доме архiereя* (IV, 237), *в доме Иероваомовом* (II, 296), — то их следует рассматривать как формы уже

нового литературного языка, в которых определения придают определяемому большую конкретность, отчего во всем словосочетании ослабляется обстоятельность. Таким образом, в ряде случаев, там, где автор заканчивает анализ, интересы исследования требуют его продолжения. Если грамматическому анализу предпослать анализ лексики и синтаксиса, то многое в области употребления форм приобрело бы большую ясность.

Наконец, вызывает возражения попытка Л. Чельберга говорить о фонетике речи Гедсона. Правда, автор постоянно подчеркивает условность и относительность своих предположений. Чельберг, например, предупреждает, что он не хотел бы, поддавшись соблазну, говорить что-либо о произношении Гедсона, но все же, несмотря на орфографические условности, готов по ряду признаков считать, что они могут быть и не только фактом печати (стр. 94).

По для того, чтобы убедиться в реальности подобных фактов, нужно доказать, что Гедсон принимал непосредственное участие в печатании своих книг, например правил корректуру. Однако убедительными доказательствами этого мы не располагаем. Больше того, по крайней мере для второго издания проповедей Гедсона допускаются «типографские исправления» (стр. 81). Но если даже допустить участие Гедсона в проверке корректуры, остается открытым вопрос, в чем это участие могло проявиться. Ведь Гедсон при проверке мог ограничиться лишь исправлением содержания и стиля своих проповедей, доверив орфографию корректору. Как бывший учитель Гедсон, конечно, отличался безукоризненной грамотностью, и трудно поверить, чтобы при правке орфографии он мог пропускать «ошибки», свидетельствующие о его собственном произношении: это могли быть лишь «ошибки», находившие то или иное оправдание в существовавшей орфографии.

Нам кажется, что исследователь, прежде чем приписывать орфографические «фонетизмы» языку Гедсона, должен более тщательно выяснить отношение их к существовавшей орфографии⁷ и к русским говорам. Автор готов их отнести к московскому наречию. Главным признаком при этом является аканье и редукция. Впрочем примеры на аканье весьма немногочисленны и

⁷ К сожалению, Л. Чельберг, хорошо изучивший литературу предмета, недостаточно внимательно обратил на ряд статей, посвященных вопросам орфографии XVIII и начала XIX в. Здесь можно назвать ряд статей Г. О. Винокура, В. П. Чернышева и др. См. статьи Г. О. Винокура «Орфографическая теория Тредиаковского» (ИАН ОЛЯ, 1948, вып. 2), «К истории нормирования русского письменного языка в конце XVII века (Словарь Академии Российской, 1789—1794)», «Вестник МГУ», 1947, № 5. См. также полемику между Винокуром и Чернышевым об орфографии и языке Пушкина в академическом издании его сочинений («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии [Инт-та лит-ры АН СССР]», 6, М. —Л., 1941).

в то же время не бесспорны. Чельберг приводит слово *салдат* (III, 36) и др., тут же оговаривая, что такое написание было традиционным. В слове *кагда* (II, 61) он склонен видеть опечатку. Сравнительно много фактов на замену в безударном положении буквы *я* буквой *е*, что может указывать на явление редукции: *шелаша* (III, 14), *окончевая* (II, 163), *сребренные* (II, 286), *кладезь* (I, 241) и под. Грамматической аналогией объясняется *я* на месте *е* в словах типа *время: времена* (I, 49), *имянно* (I, 52) и др. Но сама аналогия, как справедливо замечает автор, могла возникнуть в условиях редукции. К примерам, приводимым автором, можно было бы присоединить следующие, в которых, как следствие редукции, возникает *и: еть (ееть) — еть известно то дело* (I, 87), *ноинькое. чуднинькое* (I, 87); твор. падеж мн. числа существительных на *-ими* вместо *-ами* в тех случаях, где *а* не под ударением. Это явление встречается в некоторых южно-русских, среднерусских и владимирско-поволжских говорах, где распространена редукция. См. в предисловии Гедсона ко второму тому: *не только всеми желаемыми временными, благословит здесь благими, кои вечно на небесеж* (I, VI).

В ряде случаев мы находим сохранение церковнославянских и древнерусских начертаний, которые могли поддерживаться особенностями живой диалектной речи: *окиан* (I, 44), *возяцает мне* (I, 104), *облизовал* (облизывал) (I, 138), *блещашую* (I, 104). В последних двух примерах *о* и *а* могут быть обозначением редукции.

Из других отражений живой речи в книгах Гедсона Чельберг отмечает написание *ерь* на месте древнего *ьр*, что, как и редукция, связывается им с московским говором: *серьховный* (II, 173), *на перьвом* (II, 256), *церкось* (I, 110) и др. от этих же основ. В ряде случаев встречается *ж* на месте *ж* и *г*: *лехайших* (IV, 24), *умяжила* (IV, 126) и др. С московским говором связывается также ряд других форм: появление *-ют* в глаголах II спряжения не под ударением: *дышут* (I, 274), *слышут* (IV, 233). В полных прилагательных в род. падеже муж. и ср. родов ед. числа окончание *-ова*: *другова*, *гнилова* (III, 26) и др.

Не возражая против того, чтобы в приводимых фактах видеть отражение диалектных явлений, мы все же не считаем убедительным отнесение их к московскому наречию и прежде всего объяснение редукции аканьем. Известно, что редукция распространена и за пределами акающих говоров, например в большей части владимирско-поволжских говоров.

Во владимирско-поволжских говорах можно встретить и явление ассимилятивного аканья. Примеры на аканье, взятые из книг Гедсона, относятся к ассимилятивному аканью: *кагда*, *салдат*. В этих же говорах известны и некоторые другие явления, встречающиеся у Гедсона. Окончание прилагательных *-ова* в род. падеже муж. и ср. родов ед. числа, употребляемое Гедсоном, распространено в акающих говорах и не имеющих редукции, например на

территории Ярославской, Костромской и других областей. Мягкое *p* на месте старого *ѣr*, как и *-ы* в им. падеже мн. числа имен с суффиксом *-ин*, отмечается далеко за пределами акающих говоров.

Формы им. падежа мн. числа *они* и *оне* в первом издании обнаруживают колебания. В муж. роде преобладает *они*, но на 114 случаев *они* автор встретил 15 *оне*. В жен. роде — 5 раз *оне* и 2 *они*, в ср. роде — 4 *оне* и 5 *они* (стр. 175 исследования Чельберга). Относительно большое количество *оне* в муж. роде, возможно, говорит о том же влиянии северновеликорусского наречия. С флексией *e* местоимения *он* обычно сочетается параллельно формы *одне*, распространенной преимущественно в сев.-в.-р. наречии [у Гедеона: мн. число *одне* (люди) (IV, 69), *одне ноги* (I, 169), *одне слова* (II, 167)] и ставшей в этих говорах основой твор. пад. ед. числа и косвенных падежей мн. числа: *однем* и т. д. Ср. примеры, приводимые Л. Чельбергом: *за однем столом* (II, 172), *с однем и тем же Духом* (III, 133), *однем... словом* (III, 53); *одне евангельские слова* (II, 167), *одних своих односторонцов* (II, 99), *от их сил одних* (IV, 70), *однем добродетелям* (I, 89). В книгах Гедеона мы находим *e* в суффиксах *-теи* и *-ск-*: *царствие* (I, 3; I, 10), *господьскую молитву* (I, 150). Как известно, в северновеликорусских говорах в этом случае до сих пор сохраняется мягкость *c*.

В словообразовании прилагательных северновеликорусских говоров распространена твердая основа: *малолетний отрок* (I, 90), *излишний труд* (II, 30), *осмодесятолетний* (I, 235), *тысячелетний* (I, 45)⁸. *Иной* в первом издании употребляется дважды: *на инное* (II, 71), *в инном переводе* (II, 198), *иных* (III, 42). Если бы ударение было на начальном слоге, то ему легко можно было найти соответствие в северновеликорусском наречии. Ср. в пошехонских говорах: *на йнный год*⁹. Неслучайно в словаре Срезневского слово *иный* в значении «другой» иллюстрируется примером из Новгородской летописи. Слово *хотеть* у Гедеона употреблено с *ч* в основе 2-го лица мн. числа *хотете* (III, 144), так же, как часто в северновеликорусских говорах.

Заслуживают внимания некоторые глагольные образования, распространенные в северновеликорусском наречии. Глагол *встречает* употребляется без начального *в*: *стречает* (I, 43); *схотел* «захотел» (*если бы схотел любви вашей* — I, 130).

Ср. подобное образование *схохотаю* «захохотал» (Тотемский уезд Вологодской обл.)¹⁰. В северновеликорусском наречии

возможны образования без суффикса *-ыва-*: *оспорять, накладывать, укладываться, излажаться* и под. См. у Гедеона: *откидают* (I, 91), *омочала* (II, 201). Автор проходит мимо диалектного суффикса *-ы-* в наречиях. Такие образования возможны в средневеликорусских и северновеликорусских говорах: *всюды* (III, 75), *куды* (IV, 141), *сюды* (I, 256), *туды* (II, 69), *отовсюды* (II, 259), *откуды* (I, 160), *отсюды* (IV, 36), *оттуды* (II, 3).

Обращает внимание лексика Гедеона. В составе ее встречаются слова северновеликорусского или средневеликорусского происхождения. Некоторые из таких слов церковнославянского происхождения. но встречаются в то же время и в русских говорах, и можно думать, что употребление их Гедеоном поддерживалось его родным говором. Приведем некоторые факты. Глагол *разорию* (IV, 127) во втором издании исправлен в соответствии с этимологическим *орити*—*разорити*. В северновеликорусском наречии употребляется как глагол *разорити*, так и *зорит* «разрушать». *Узюл* (I, 164) — церковнославянское; у Даля помета: *вост. Наднятъ, надымать* (I, 35; I, 94) — церковнославянское; у Даля: «ненасе маненько наднялось» с пометой *казанск. Озобать* (I, 24) — церковнославянское, но в северновеликорусском наречии также — *озобать*. Даль отмечает производное от *зоб*: *озобок*, помета: *еладим. Состреляться* (I, 84), по Далю — *арх.*; в Ярославской обл. — *стрельить* (кого?). *Рассаковать* (II, 15), у Даля *смаковать*, помета: *юж., зап., прим., елд., кстр.* *Оболкся* (II, 197), в северновеликорусском наречии — *оболоко*, *оболокаться* с богатым составом производных.

Мы привели факты, показывающие связь языка печатных книг Гедеона с северновеликорусским наречием и средневеликорусскими говорами. Думается, что они более убедительны, чем те, которые приводит Чельберг для доказательства связи языка Гедеона с московским наречием. Возникает вопрос, кому принадлежат данные особенности — речи наборщиков или речи самого Гедеона. Вероятнее всего, автору проповедей. Казань, родина Гедеона, лежит в зоне владимирско-поволжских говоров. Если говор Казани не содержит всех перечисленных особенностей, то ведь вполне допустимо предположение, что они были унаследованы Гедеоном от родителей, которые могли быть уроженцами сельской местности. В этом случае не актуален вопрос, «акал» или нет Гедеон. Вероятнее всего, пребывание в Москве и при дворе не повлияло на речь

Русская диалектология, М.—Л., 1928, стр. 88. См. также Н. М. Васнецов, Материалы для объяснительного областного словаря Вятского говора, Вятка, 1903; в приводимой автором лексике префикс *c/so* соответствует литературным *за* и *по*: *счирикать* «зачирикать» (стр. 310), *состоять* «застанать» (стр. 298), *сметить* «заметить» (стр. 295), *сболеть* «заболеть» (стр. 285), *сознакомиться* «познакомиться» (стр. 297), *совредить* «повредить» (стр. 296) и т. д.

⁸ Список таких образований для начала XIX в. см. у Л. А. Булаховского («Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика, морфология, ударение, синтаксис», М., 1954, стр. 96—97).

⁹ См. С. А. Копорский, О говоре севера Пошехонно-Володарского уезда Ярославской губернии, «Труды Ярославск. пед. ин-та», 1929, стр. 122.

¹⁰ С. А. Еремин и И. А. Фалев,

Гедеона, и он продолжал «говорить на о»: ведь даже высшее духовенство в XVIII в. вело жизнь обособленно от аристократии, сохраняя окаяне. Но в печать указанные особенности могли проникнуть только при поддержке существующей орфографической традиции с ее колебаниями, объясняемыми недостаточным развитием орфографии. Есть основания утверждать, что в 60-х годах XVIII в. в некоторых изданиях еще сохранялись особенности орфографии первой половины XVIII в.¹¹

В заключение следует сказать, что исследование Л. Чельберга дает интересный материал для характеристики ряда процессов в русском литературном языке XVIII в. Особенно ценно в этом отношении сопоставление автором двух изданий проповедей Гедеона.

С. А. Копорский

A. Kent. Machine literature searching and translation — an analytical review. — Cleveland (Ohio), 1959. 179 стр. [роталпринт].

В серии подготовительных материалов к Международной конференции по машинным и информационным языкам и по машинному переводу, состоявшейся в сентябре 1959 г. в городе Кливленде, был выпущен справочник библиографического характера, отражающий современное состояние исследований по машинным и информационным языкам и по машинному переводу. Весь сборник делится на две части: первая посвящена машинно-инфор-

¹¹ Например, изданный в 60-е годы перевод Тредьяковского «Римской истории» П. Роллева содержит ряд особенностей, которые характерны для первого издания проповедей Гедеона. Но особенно интересны в этом отношении «Указы всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны» (М., 1763). Вот некоторые примеры из этой книги: *росолы* (рассолы), *роспросам* (177): *произшествии* (122), *присудственных мест* (119); *иланыи* (110); *во взятые* (103), *удоженья* (183), *по доношения* (7), *изъятия* (61); *в Казане* (176); *никуда* (96); *сенокосу* (197); *подрядю* — род. падеж (107), *из подушного збору* (84), *с начала выходу* (194); *деа рубли* (85), *три рубли* (84); *Василей* (39), *прошеней* — род. падеж мн. числа (35); *с товарищи* (180); *в докладех* (6), *в... городех* (59), но *в городах* (190); в заимствованиях: *масириными кистями* (98) *ундер-офицеров* (54), *галстугов* (165), *каван* (148), *маштап* (154), *гидроулике* (151). Прилагательные в род. падеже ед. числа муж. и ср. родов последовательно имеют *-аго/-яго*: *императорскаго* (14), *пожарнаго случаю* (190), *верьянаго класса* (162), *всякаго* (61) и т. д. Как исключение: *из белова кааламента* (156), *у прописного* (176). Окончания им. падежа муж. рода ед. числа употребляются в двух вариантах со стилистической дифференциацией: *нижеименованный* (из присяги) (4), *правительствующий* Сенат (26), *по каждой* ... *разумной* и *благонамеренной* сын отечества (137), *пятой* и *шестой* пункты (134) и т. д.

мационному поиску и автоматическому реферированию, вторая — машинному переводу текстов с одного языка на другой. Каждая из этих частей в свою очередь организована следующим образом: вначале идет краткая преамбула, в которой сообщаются задачи применения машины к обработке текстов и специфика этого применения, а также в общей форме говорится о достигнутых результатах; за вступлением следует подробный (построенный в виде таблиц) обзор исследований, посвященных данной проблеме, с указанием фамилии исследователя, учреждения, страны, используемого языка и названия статьи или доклада. Большинство сообщений снабжено краткой аннотацией.

В первой части справочника говорится о машинном поиске литературы и о построении информационных языков. Подчеркивая важность исследований по данной проблеме, автор справедливо отмечает недостаточность результатов по сравнению с начатыми в то же время исследованиями по машинному переводу как таковому. Причину этого отставания А. Кент видит в отсутствии (за очень небольшими исключениями) контакта между исследователями в этих двух сферах. Будучи одним из авторов наиболее капитального труда по машинному поиску литературы², Кент как бы подводит итог работам в этой области. Особый интерес вызывают сообщения о главных проблемах и трудностях в области: а) ввода информации, б) копирования для машинного поиска.

Вторая часть — обзор достижений по машинному переводу, который в целом представляется автору состоящим из четырех основных направлений: 1) кодирование абстрактов, написанных на естественном языке, на языке машины; 2) разработка пословного перевода, при котором неясности и многозначность устраняются постредактором-специалистом; 3) разработка пословного перевода, при котором многозначность устраняется в процессе автоматической обработки текста; 4) построение искусственного языка-посредника, являющегося как бы мостом между языком входного текста и языком выходного текста.

Дополнительно автор указывает на синтаксические трудности машинного перевода, которые устраняются следующим путем: определением части речи всех слов текста, изменением порядка слов, выбором оптимального лексического значения с анализом окружающего контекста, подготовкой микрословарей-иллюстраторов. Приводимая далее литература (323 на-

¹ Единственным примером соединения этой проблематики, как указывает А. Кент, является доклад В. Я. Ч. В. II в. а н о в а о лингвистических проблемах машинного перевода для информационных машин, прочитанный на конференции в Москве 7 мая 1957 г.

² J. W. Perry, A. Kent, M. M. Berry. Machine literature searching, New York — London, 1956.